

Он по-пингвиньи оттопырил руки и вспорхнул на низенькую шаткую ограду, и даже сделал несколько продольных шагов – ему хотелось быть с ней юным сорванцом. Так он себя и чувствовал. Солнце затопило колодец двора и сиренево-розовато-серые голуби, несмотря на громоздкость прилагательного, определяющего их цвет, легко скользили в пыльных лучах, то усаживаясь ногами на провода, то спускаясь к черепаховому люку, на котором с миром покоился внушительных размеров кусок чёрствого позеленевшего хлеба.

Она улыбалась. Или это закатное солнце со всем воздушным подводным искрящимся августом проникало внутрь неё и озаряло изнутри.

– А! – коротко с кнаклаутом выдохнул он, спрыгивая с опасно покосившейся от его спортивного азарта оградки на лысый участок усыхающего цветника. – Я хочу провести вас двором, где растёт то дерево.

Они свернули в новый проулок, а выделенное голосом то, так и осталось радостно раскачиваться воздушным шариком объединяющей их тайны.

Он взял её за руку – слегка влажную, тёплую, доверчивую и, как написали бы в женском романе, «ощутил волну желаний». Но он не читал женских романов, поэтому стал просто ласково перебирать её пальчики, гладить ноготки. И когда сердце совсем уже бешено заколотилось, а они поравнялись с внезапной архитектурной пещерой, он остановился, развернул её к себе, убрал налетевшие волосы с её улыбающегося чуть побледневшего лица и неловко нежно поцеловал. Приступ счастья остановил на память сердце, дыхание, звуки машин и листьев, летящих голубей и читающую на скамейке беременную женщину в алом палантине. Когда всё снова было запущено, они оба повернулись к тому – тому самому – дереву и молча наблюдали его свет и трепет.

Это было тогда. Давно. А теперь он стоял в прихожей, сжав до белых пальцев

телефонную трубку и чувствовал, как внутри него опускается прозрачный лифт с только что услышанным. Ему хотелось положить трубку на тумбочку и отойти, но рука словно приклеилась к телу, и ноги не планировали сдвинуться с места, а наоборот пускали корни в темноту охватившего его оцепенения.

Она открыла большим неповоротливым ключом верхний замок, а вот нижний запирался только если она надолго куда-то уезжала. Последний раз – год назад в горы (и ещё в озёра и немного в лес).

Маленький бесполезный ключик от нижнего замка жалобно звякнул, когда она положила всю связку красивым машинальным движением на ротонду.

В сумрачном зеркале прихожей маслянисто и дымчато скользнуло её отражение. Она завернула на кухню, нажала на моментально покрасневшую клавишу электрического чайника и проплыла в комнату, снимая через голову тихо-салатовое платье. Лёгкий золотой крестик из Иерусалима подался было вместе с платьем вверх, но потом ловко выскользнул и лёг в блаженную грудную выемку.

В это время я как раз поднималась по лестнице, разговаривая с национализированной жителями подъезда кошкой Яшей. Яша семенила рядом, иногда немного меня обгоняя, потому что знала дорогу и нетерпение, и отвечала серьёзным и искренним мя-мяр на мои глупые сюсюкающие подначки. Кажется, я изумляла её своим скудоумием, но в ней было довольно кротости и доброты, чтобы повторять мне одно и то же – одно и то же – на разные лады. Последний пролёт мы миновали молча – между нами установилась та незамутнённая ясность, которая случается между добрыми друзьями после рюмки-другой. Мы обе знали, что прелюдия к порезанной кубиками докторской колбасе и

крышечке молока исполнена и со спокойной радостью входили в фугу.

3.

Когда он вышел из подъезда и остановился передохнуть, тяжёлая входная дверь всё ещё медленно и страшно закрывалась. Он затылком чувствовал её обратный зевок, отнимающий у него что-то важное. Дверь глухо цокнула.

Внезапно стемнело, и рухнул дождь. Они рассеянно топтались друг перед другом – дождь мелко вытанцовывал шотландский народный танец, иногда против правил заступая за козырёк подъезда, а он просто переминался с ноги на ногу, не решаясь ни вернуться домой, ни шагнуть под воду. Так мы их и оставим минут на десять, не меньше.

4.

Она же продолжала свой путь во вчерашнем дне, прислушиваясь к моему гулкому голосу на лестничной клетке и эху Яшиного припева. Ей казалось, что стены пропускают теперь не только звук, но сделались проницаемы для всякой вещи и больше не защищают.

Натянув домашнее трикотажное платье, она вернулась на кухню и плеснула не закипевшей воды в кружку с утренним зелёным чаем. Весь этот год прошёл так, словно бы время остановилось, и внутри неё выключили свет. Воспоминания были ярче реальности, они смещали её в область неважного, замещали собой.

Она пыталась сформулировать то, что с ней происходило, но не знала ни аналогов в своем опыте, ни слов в вокабуляре. Её окружал Солярис внутри и снаружи, она погружалась в себя и тонула там. Было стыдно сходить с ума, хотелось прекратить это безобразие, но оно умело прекратиться только вместе с ней. Она вспомнила, до какой степени точно в романе Лема описана зависимость Хари от Криса, чей мозг породил её от океана. Когда надо крепко сжимать подлокотники кресла, чтобы не броситься вслед за любимым. Когда, кажется, прорвешь все металлические двери, только чтобы оказаться рядом.

Как так вышло с ней? Она не знала. Когда она увидела его, ничто ей не подсказало, что он для неё значит. Но он постепенно проступал внутри, пока не стало

ясно, что он был там всегда. Просто раньше она не знала, как его зовут, а теперь знает.

Этому всему, превосходящему её и её понимание, оказалось совершенно невозможно сопротивляться. Вот есть ли у ворот гаража возможности противостоять нажиму электронного ключа? Они просто поднимаются, так они запрограммированы. Разве только сломать их...

Уже год она не виделась с ним. Было нельзя, невозможно. Он попросил её об этом – не звонить, не писать. В воображении она выстроила много стройных и абсурдных теорий, объясняющих его внезапное решение порвать с ней, но все они по отдельности и скопом не помогали ей перестать думать о нем каждую секунду, он был постоянным фоном всего, что с ней происходило. Она столько всего перепробовала – и ходила на холотропное дыхание, и на всякие психологические практики, якобы позволяющие отпустить и справиться, и плакалась подружкам, исповедовалась и причащалась в храме. Иногда казалось, что прошло, помогло, рассосалось. Ан нет, и с новой силой все начиналось опять, делая её беспомощной и беззащитной.

5.

Яша вежливо доела последний кусочек, отсела в сторонку и принялась обстоятельно, и где-то слегка остервенело, умываться. Я всегда запускала её в квартиру, чтобы она могла побыть здесь столько, сколько ей хочется, а потом выпускала. Но не разрешала себе считать её своей – в моём возрасте уже нельзя позволить себе роскоши, чтобы кто-то зависел от тебя. К сожалению.

Вдруг Яша перестала тереть щеку и, не опуская лапы, удивилась левым ухом, а потом и правым, а потом сорвалась с места, бездонно заглянула мне в глаза, подбежала к двери, снова метнулась ко мне, и снова к двери, уткнулась носом в предполагаемую щель и страшно зарычала.

Это было так неестественно, что мне понадобилось несколько секунд, чтобы немного прийти в рассудок, сделать пару нетвёрдых шагов, протянуть руку к замку. И в этот момент я услышала звук падающего предмета – что-то тяжелое рухнуло на пол в квартире над нами, я уже открывала, уже выходила... Яша выскочила, понеслась по лестнице вверх, и скоро я её уже не видела,

но когда, задыхаясь от космических перегрузок собственного веса, добрела до одиннадцатого этажа, нашла у двери Лиды. Лида, Лида, милая девочка, женщина, она всегда приветливо здоровалась и сразу же отводила взгляд. Пожалуй, мы говорили с ней толком всего раз за семнадцатилетний стаж сосуществования в одном доме. Год назад. Она уезжала куда-то отдохнуть и попросила меня поливать цветы. Мы зашли к ней домой, она всё показала, объяснила, а потом мы сели пить чай, и она неожиданно откровенно рассказала мне о том, что влюблена.

6.

Дождь понемногу слабел, забывался. Уже можно было выйти под него и, шатаясь от долгого ожидания, одолеть двор. Скрученные длинные мысли волочились за ним по пыльному асфальту, подскакивая на неровностях. Иногда он заглядывал в их мёртвые лица, но сразу отворачивался, стараясь наполниться любой подробностью размываемого вертикальным пунктиром города.

В детстве ему сложно было поверить, что вообще возможно пройти обратно той же дорогой, что и туда. А тем более, в разное время одной и той же. Было совершенно очевидно, что в считанные минуты, стоит только отвернуться, ландшафт полностью меняется – вырастают новые дома, старые радикально меняют цвет и пропорции, всё дышит – растёт и уменьшается. В этой оптической нестабильности приходилось полагаться на запахи, звуки и сложно осознаваемую способность помнить ногами. Было непонятно, как справляются с этим остальные. Допустить, что бывает иначе, в голову как-то не приходило. С возрастом это немного сгладилось, к тому же он научился придавать значение мелким приметам вроде свисающего со второго справа балкона куска жёлтого пластика. Пластик оказывался позже розовым, но угол, под которым он пытался упасть, всё ещё сохранялся и спасал. Но даже теперь иногда, когда он шёл по улице и нечаянно оборачивался, ему казалось, что хитрые белки предметов запоздало отскакивают на прежние места, пойманные с поличным.

Лида почувствовала страх и жар в солнечном сплетении. Она попыталась поменять позу, вздохнуть, но стало больно. Где-то в воображении возникла и поплыла к ней сияющая огненная планета, в которую нужно было просто шагнуть. Страх сменила радость. Не понимая, что происходит, Лида мысленно повторяла: «Ну наконец-то! Наконец-то!» Она встала навстречу приближающемуся шару, бросающему ей на лицо и грудь отблески, и ноги у неё подкосились. Падая, она смахнула со стола кружку с нежной пастуралью, и особенно внимательно на прощанье рассмотрела кроткие лепестки стилизованных ромашек и юную руку – о, уже отколовшейся девушки.

8.

Он пытался вспомнить вчерашний день, но не мог нащупать точку отсчёта – хоть какое-нибудь событие. Нет. Провал. Он попробовал зайти с чёрного хода позавчерашней встречи с сыном – последнее, что он отчётливо помнил. Нет. Вчерашний день ускользал, выворачивался, его словно бы и не было. «Это старость, – привычно подумал он. – Это старость и смерть».

9.

Я позвонила в дверь, прислушалась, постучала. Где-то в глубине квартиры мне почудилось движение и тихий стон. Ни на что не надеясь, я нажала на дверную ручку и потянула на себя. Дверь легко отворилась. Яша мышью прошмыгнула напрямиком на кухню. Уже из прихожей было видно, что на полу в неестественной позе лежит Лида. Сняв со стены трубку радиотелефона и подходя к Лиде, я набрала номер скорой. Линия была занята. Поставив на автодозвон, я попыталась оценить ситуацию – Лида тяжело дышала и была без сознания, никаких видимых повреждений на её теле я не заметила. Как оказать ей первую помощь, не представляла. Яша внимательно и сосредоточенно обнюхивала ножку стола. Было видно, что она совершенно перестала волноваться и просто осматривается на новом месте.

Лида чувствовала, что кто-то вошёл в квартиру, потом ощутила, как её погрузили на носилки. Иногда ей удавалось приоткрыть глаза – совсем немного, но сквозь щёлочки она видела, что её спускают вниз, грузят в карету скорой помощи, везут, видела, как покачивается капельница в такт поворотам и остановкам, как беспрерывно тошнотворно подрагивает в ней прозрачная жидкость. Звуки расходились гулким эхо, неуловимой и невнятной радугой, она вроде бы слышала слова, но не понимала их. Потом её оставили в коридоре больницы, и она бесконечно долго лежала там на приятном сквозняке. Никто не обращал на неё внимания. Постепенно она почувствовала, что к ней возвращаются силы. Не открывая глаз, она приподнялась и села. Голова не кружилась, кажется, всё совсем прошло. Лида открыла глаза и обнаружила себя в пустом больничном коридоре. Она встала, ощутив ступнями прохладный кафельный пол. Да, в самом деле, всё было в порядке. Она прошла по коридору, надеясь увидеть кого-нибудь из персонала, но никого не встретила. Тогда она вышла на улицу. Подполковник в отставке, коротающий себя на вахте, прихлёбывая одноразовый чай из жестяной кружки, мельком глянул на неё, но ничего не сказал. Вечерело. Лида была в своём домашнем салатом платье, вполне пригодном для того, чтобы пройтись по улице, не обратив на себя внимания, но босиком. Наверное, было бы правильнее вернуться, дождаться хоть кого-нибудь, но ей невыносимо захотелось уйти. Да и чего ждать? Чувствует она себя отлично. Про неё скорее всего забыли. Вообще, она старалась по возможности никогда не задерживаться в больницах. Она пошла по остывающему грубому асфальту, испытывая обновлённое наслаждение от движения, от воздуха, от того, что всё обошлось и она живая.

Лида поняла, что идёт не домой, а к дереву – тому, у которого они стояли год назад. Ноги сами привели её. Было уже совсем темно, но дерево немного светилось серебряной изнанкой листьев. Она села на искалеченную лавочку рядом и стала просто смотреть.

Он подошёл неслышно и присел на краешек лавочки. Она почти не удивилась. Некоторое время они сидели молча. У неё

было столько вопросов к нему, что они погибли под своим весом.

– Почему ты босиком? – спросил он. Он говорил медленно и тихо, как будто преодолевая плотность среды. Так бывает во сне и под водой с движением. Убеждённая совершённым им усилием в его доброй воле, она придвинулась к нему ближе. Всё, что было нельзя, в одно мгновение сделалось можно.

– Я сбежала из больницы. Меня привезли туда по скорой, никто не мог позаботиться обо всём, тем более о босоножках... Мы так давно не виделись. Почему?

Он наклонил голову, немного пожевал губами приготовленный ответ. Она знала, что он скажет, но это не было ответом на её вопрос.

– Я быстро старюсь, я старик...

Лида видела, что это так. Он действительно сильно сдал за этот год, но сделался ещё симпатичнее. Она необыкновенно остро почувствовала, что никакие изменения, никакие открывшиеся факты не могут испортить её отношения к нему. Они сидели рядом, и она слушала распускающуюся внутри тишину, ощущала открытость и защищённость. Только здесь ей и надо было находиться, не было никакого другого места на Земле, другого такого же правильного.

Она легко погладила его безответную руку в профиль и услышала:

– Я провожу тебя, уже поздно.

Они шли по тёмным улицам, держась за руки, как тогда, давно, никогда. Она не приглашала его словами, но было ясно, что они поднимутся к ней вместе. Надо было зайти к соседке, у которой был запасной ключ от её квартиры. Лида нажала квадратную кнопку звонка и почти сразу услышала синкопу открывающегося замка. Старушка Анна Семёновна, которая жила под ней, открыла дверь и широко отступила. На ней была оранжевая майка с шестикрылой стрекозой, напоминающей Витрувианского человека Леонардо да Винчи, и чёрные лосины.

– Лида, дорогая, – растерянно произнесла Анна Семёновна, – как ты? Как ты себя чувствуешь? – Она смотрела на Лиду заботливо и подчёркнуто не обращала внимания на её спутника.

– Анна Семеновна, спасибо, всё в порядке. Хорошо. Вот удрала из тюрьги босиком, – Лида весело кивнула на свои

ноги. – Завтра позвоню им, что всё нормально. Там не дождёшься ж никого. Можно у вас мой ключ попросить, а то меня так увезли...

– Конечно-конечно, Лидочка, – Анна Семёновна засуетилась и принесла ключ. Вот. Я сама сегодня заперла дверь.

– Хорошо, Анна Семёновна, спасибо вам. Мы пойдём!

– Спокойной ночи, Лидочка.

Всё это время он молча стоял рядом, а потом послушно, как тень, двинулся за ней на следующий этаж.

В квартире было темно, только из окна на кухне наивно и деловито светил уличный фонарь.

Вдруг какая-то вещь, забытая на стуле, заворчалась и мягко спрыгнула на пол. Лида улыбнулась.

– Это Яша! Ты здесь как?.. Яша-Яша, – позвала она другим специальным голосом. Открыла холодильник, достала оттуда вчерашнюю курицу, угостила кошку. Яша не побрезговала. Лида налила и поставила ей воду, повернулась к нему.

– Я бы тоже чего-нибудь съел.

Лида засмеялась и достала из холодильника сыр, абрикосы, пакет клюквенного морса и красное полусухое. На столе лежал немного подсохший лаваш, всё пригодилось.

Потом они лежали в темноте на неразложенном диване, она чувствовала обнажённой кожей сухие крошки и посеянную три дня тому флешку под левой лопаткой, а всем телом – тесноту, но встать и перейти на кровать в спальню было слабо. Она прислушивалась к его дыханию, не специально подстраивалась, совпадала, соскальзывала в сон, но тут же выныривала и снова слушала, как он дышит. Было ли когда-нибудь по-другому? Всегда было так.

Острый приступ счастья перешёл в хронику, она улыбалась в темноте с закрытыми глазами и выглядела со стороны внутриутробным существом, плавающим в околоплодных водах ночного воздуха.

11.

Утром она тщетно пыталась дозвониться в больницу, из которой удрала. Но всё равно, наверное, по-хорошему нужно было бы туда подъехать. Не завтракая, они собрались и вышли. Яша решила тоже прогуляться. Погода испортилась, было понятно, что сегодня будет гроза. У подъезда

им снова встретилась Анна Семёновна. Они поздоровались, но Лиду на этот раз немного задело то, что соседка упорно игнорирует её спутника.

– Яша сегодня ночевала у нас, – сказала Лида весело.

– Да-да, я не смогла её выманить из квартиры, она затаилась где-то, – улыбнулась Анна Семёновна. – Видимо, решила, что надо охранять.

– О, у неё прекрасная сигнализация! Стоит только слегка до неё дотронуться. Тебе не мешало, как она мурлыкала? – спросила Лида у него, чтобы как-то ввести его в зону внимания.

Анна Семёновна глупо помаргивала. Она по-прежнему смотрела только на Лиду.

– Мне помогало, – сказал он.

Лида засмеялась.

– Колыбельная?

– Кошки ужасно уютные, – сказала Анна Семёновна. – Береги себя, Лидочка.

И она пошла к подъезду, сильно припадая на левую ногу.

Лида заглянула ему в грустные глаза.

– Иосиф, – сказала Лида, – Иосиф.

12.

Конечно, он любил её. В таком возрасте всё как-то иначе – острее, жалобнее, трагичнее. На грани исчезновения, в последний раз. Как падающий с обрыва хватается за выступ, он пытался этой нечаянной любовью удержаться внутри вечно продолжающейся и такой мимолетной жизни.

Она ему казалась ребёнком. Нежная, полупрозрачная, хрупкая. У неё ещё всё было впереди. Он старик – а она... а у неё... Он видел, что она нравится другим мужчинам. «Только полный идиот может не захотеть вас» – повторял он ей. Грязный безумный старик. Да что говорить? Он стремился просто побыть ещё – ещё немного. И да, он не планировал, даже не мог предположить, что она так крепко втрескается. С ужасом представил вдруг, что всё может затянуться и перейти в отношения, в которых он успеет так одряхлеть, что станет ей в тягость. Будет ловить её взгляд, наполненный жалостью, а вдруг – и отвращением... Нет-нет, этого он точно не мог бы вынести. Зато он мог исчезнуть, пока до этого ещё не дошло. Так будет лучше всем. И он исчез. Написал ей, чтобы она забыла, жила дальше, чтобы не

искала его. Затаился в себе, перетерпел. Было тяжело, неприятно, но, впрочем, если разобраться, то вполне выносимо. А иногда и вовсе хорошо. Он выходил на балкон, жмурился от утреннего солнца, вдыхал прохладный воздух, выкуривал первую сигарету. Затем одевался и отправлялся в маленькое кафе, где милая пышногрудая барышня в очаровательных веснушках с опущенными ресницами подавала ему кофе и тёплый круассан. Вытирая со стола, она как бы невзначай задевала его рукавом, наклоняясь за чашкой, рыжим локоном касалась плеча, восхитительно краснела, и жизнь снова наполнялась смыслом, расцветала и обещала. Всем своим существом он приветствовал простые радости. Поэтому некоторое время спустя он пригласил барышню на ужин, она осталась у него и вполне оправдала ожидания, он был доволен, но сразу же утратил интерес к этому кафе и перебрался в небольшую пекарню с тремя стеклянными столиками и божественным яблочным штруделем.

Когда ему сообщили, что Лида попала в больницу, лежит без сознания, может умереть, он собирался в гости к своему старинному другу. Всё кубарем вспомнилось и ошеломило силой и свежестью. Ему казалось, что это давно не так живо, забылось, поросло, сгнуло. Он долго стоял потрясённый не только новостью, но и своей реакцией.

13.

По дороге в больницу Лида и Иосиф завернули в какую-то забегаловку, оказавшуюся вполне уютной. Лида то щебетала, не сводя с него восхищённых глаз, то замолкала и задумывалась, расфокусировав зрачки и уставившись на растопыренные в центре столика салфетки. Они заказали два кофе и сырники со сметаной и свежей малиной. Официант почему-то поставил заказ Иосифа не ему, а кому-то третьему, не сидящему напротив. Лида изумилась, одарила смуглого юношу испепеляющим взглядом и мгновенно сама переставила всё, как следует. Ей не хотелось отвлекаться от беседы.

– Аааа, я поняла, – радостно взалёб говорила она, – ты испугался, что со мной ты потеряешь всех своих многочисленных любовниц. Но это не так – мы могли бы с тобой мирно дружить и не расставаться, а ты

бы продолжал общение с ненастытной толпой.

– Да нет же, ты слишком хорошо обо мне думаешь... толпой... я не смог бы перетрахать такое количество.

– Ну...постепенно, не сразу... Глаза боятся, как говорится, а руки делают...

– А, ну руками мог бы, да.

Лида хохотала, Иосиф улыбался. Вдруг она погрустнела.

– Как ты мог так долго быть без меня? Ты меня не любишь? Ты совсем не скучал? Тебе не было меня жалко? – её голос стал прозрачным от слёз.

– Всё не так. Просто я уже старый, мне семьдесят лет, – он долго и внимательно смотрел на неё, – просто меня уже нет.

– Гёте в восемьдесят сватался к Урсуле и ничего...

– Все по-разному чувствуют себя... – он опустил глаза.

– Ты не любишь меня и не хочешь, – с детской прямоотой констатировала она. – Я расплачусь, мне надо разменять деньги.

Она подозвала официанта и попросила их рассчитать.

Лида вышла первой, её волосы торжественно и победоносно развевались. Она не верила в то, что говорила.

14.

Когда Лиду забрала скорая, я подумала, что надо сообщить её родным или друзьям. На кухонном столе лежал её сотовый, я внимательно изучила список контактов, это были имена и фамилии с пометками, не наводившими ни на какие мысли о родстве или близости. Только один контакт был помечен звёздочкой избранного. Я даже помнила это имя, оно звучало на том нашем единственном чаепитии. В контакте было два номера, я выбрала домашний и с домашнего же, не откладывая, набрала.

После второго гудка ответил пожилой спокойный голос.

– Здравствуйте, Иосиф, – сказала я, – это вас беспокоит соседка Лиды Анна Семёновна. Лиду только что по скорой забрали в больницу. Мне показалось правильным сообщить вам об этом.

– Господи... что случилось?

– Боюсь, что всё довольно серьёзно, она была без сознания и врач сказала, что хорошо бы её вообще довести...

– А в какую больницу? Хотя что я – тут одна... В какое отделение?

Голос был взволнованный.

Я не знала, в какое отделение.

– Думаю, там на месте определят. Возможно, в реанимацию. Вы не знаете, кому можно ещё позвонить – родители, подруги?

– Нет, я не знаю. Спасибо!

– Да не за что.

В трубке слышались нервные гудки. Я ещё раз придирчиво перечитала список, начиная с «аварийной службы» и заканчивая «я СПб», никем не прельстилась и оставила телефон там, где и взяла. Надо было выпустить Яшу, она забилась куда-то наверх, когда приехала скорая. Сначала я просто звала её, обещая много вкусного. Потом, взгромоздившись на табуретку, я попыталась пошуровать там, но чуть не свалилась. Нет, и себе вызывать скорую мне сегодня уже не особенно хотелось. Ладно, в конце концов, пусть посидит здесь, завтра я её выпущу, когда приду поливать цветы.

15.

Когда они пришли в больницу, их там долго мурыжили, посылали в разные кабинеты, но потом всё-таки приняли Лиду, осмотрели, написали какое-то заключение и отправили с богом.

– Покажи-ка, – протянул Иосиф руку, – что там тебе написали.

Он бережно взял вдвое сложенный листок и пробежал глазами. Аккуратно свернул его и вернул Лиде.

– Иосиф, – сказала Лида, – можно я попрошу тебя о чём-то? Это очень важно для меня, а для тебя совсем не имеет никакого значения.

– Можно.

– Я помню, что ты хотел бы, чтобы после смерти ничего не было, но если там всё-таки что-нибудь будет, постарайся подождать там меня.

– Ладно.

16.

Вернувшись домой, я обнаружила, что дверь бросила открытой – не настежь, а так, похлопывающей с небольшой амплитудой и ритмическими переборами. К старости я совсем перестала бояться, что кто-то может меня ограбить. Нет, когда я уходила, то по привычке запирала дверь, но

могла бы и не делать этого. Во-первых, если бы кому-то внезапно пригодилось что-то из моих вещей, меня бы это только порадовало. Во-вторых, во мне крепло ясное осознание того, что ничего просто так не происходит. Осознание это было получено опытным путём на протяжении собственной уже практически прожитой жизни. И хотя со стороны у малознакомых людей и случались события, выглядящие кощунственно и несправедливо, моя собственная жизнь и жизни тех, кого я знала близко, являли собой пример замысла и воплощения либо какого-то тотального неповиновения законам физики.

После смерти мужа я переехала в наш маленький городок и жила по внутреннему распорядку. Просыпалась рано, как будто что-то ударяло меня в грудь. Читала утренние молитвы и две главы из Евангелия, съедала кусочек подсушенной просфоры и запивала глотком святой воды. Потом садилась работать. Часам к одиннадцати меня начинало клонить в сон, и я ложилась. Часа через два просыпалась снова, завтракала в обед и совершала всякие хозяйственные подвиги вроде уборки, мытья посуды, разглаживания горы белья, которая не переводилась, потому что стирала я часто. Вечером гуляла и снова садилась работать. Много и с удовольствием ела перед сном, потому что разрешила себе толстеть. И толстела.

17.

Иосиф, сгорбившись, сидел рядом с кушеткой, на которой лежала Лида. Она была подключена к каким-то приборам и капельницам, её маленькое тело обвивали прозрачные трубочки и проводки. На экране что-то вспыхивало и гасло. Он смотрел на подрагивающие ресницы, на слепо перемещающиеся под веками глазные яблоки и пытался представить, что она сейчас видит. А она в это время усадила его на лавочку в парке, потому что видела, что он устал. Ей не нравилось, что он побледнел, она то и дело пробовала рукой и губами его лоб, но лоб был хороший, тогда она начинала щекотно перебирать тонкими пальцами у основания кисти в поисках пульса, считала, сбивалась, начинала заново. Он покорно терпел.

Рядом прошли бабушка с толстым внуком. Мальчик пялился на Лиду, а потом громко сказал бабушке:

– Смотри, баба, тётя целует лавочку.

Иосиф становился всё бледнее и бледнее.

– Господи! – воскликнула Лида громко, – да помогите же хоть кто-нибудь, не видите – человеку плохо!

К ней подбежала девушка, стала расспрашивать, что с ней, доставать телефон.

– Да не мне же – ему! – закричала в отчаянье Лида, показывая на Иосифа, которому на глазах делалось хуже, он совершенно обмяк и еле-еле с огромным усилием мог приоткрывать глаза.

– Лида, не надо, – сказал Иосиф. Левая сторона рта у него почти не двигалась. – Перестань, меня уже нет. Разве ты не понимаешь этого?

– Надо вызвать скорую, – плакала Лида, – ну что же вы стоите, вызывайте, он умирает!

Лида попыталась выхватить у замешкавшейся девушки телефон, но та вовремя сообразила что к чему и стремительно удалилась. Лида стала рыться у себя в сумочке, но у неё так тряслись руки, что она ничего не могла разобрать, вытаскивала и снова засовывала обратно ненужные сейчас предметы, потом стала просто выбрасывать их рядом с собой на землю. Телефона не было. Она плакала, понимая, что теряет драгоценное время, что никто не может помочь ей, что Иосиф умирает. А в это время Иосиф взял лежащую без сознания Лиду за руку, положил голову на свою руку, в которой лежала её рука и замер. Если бы кто-то сейчас выглянул из-под кровати и посмотрел на него, то увидел бы, что глаза у него открыты, а изо рта течёт слюна. Лида посмотрела на него – он сидел

сильно покосившись влево, приоткрывая свежую надпись, нацарапанную на спинке скамейки. Можно было прекращать поиск телефона. Она медленно опустилась рядом с ним. Сил больше не было. Машинально она достала из сумки листок, сложенный вдвое. Долго не могла понять, что это за листок. Наконец сосредоточилась и прочла о том, что у неё констатировали смерть. Всё поплыло у неё перед глазами. Противный писк заглушил все остальные звуки. Она закрыла глаза и на какое-то время отключилась.

18.

Когда она открыла глаза, то увидела белый ровный потолок и солнечные блики, шушукующиеся о чём-то детском. В комнате было прохладно, она поёжилась и поняла, что обнажена, нашарила рукой и натянула на себя простынку. Повернула голову – у окна стоял Иосиф, он курил. За окном в сине-зелёном захлёбывались чириканьем и свистом. Лёгкие белые занавески, выдыхаемые проточным сквозняком, были то парусами, то крыльями.

– Где мы? – шёпотом спросила Лида.

Иосиф повернулся. Он был совсем молодым. Она никогда не видела его таким, но сразу узнала. Как будто монетка звякнула о дно колодца.

– Мы дома, и сейчас идём гулять, – объявил он. – Но сначала... – Иосиф подошёл и лёг рядом, – сначала я должен кое-что сделать.